

УДК 39:21(045)

*А.А. Шепталин***ТОТЕМНО-АНИМИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НОРМАТИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РАННЕРОДОВОЙ ОБЩИНЕ**

Впервые в отечественной историографии посредством анализа промыслово-хозяйственных основ социальных отношений и статусной стратификации предпринята попытка реконструкции процесса трансформации социального регулирования в соционормативное в раннеродовой общине. Институционализация соционормативного регулирования увязывается с возникновением у низших охотников тотемизма как первой системной формы не только ранней религии, но и коллективного сознания. Норматизация поведенческих правил и обычаев обусловлена совокупностью факторов, в том числе развитием религиозного мифотворчества, где каждый миф служил практическому закреплению поведенческого императива посредством многочисленных обрядов, прежде всего – обрядов инициации. С использованием этнографических данных отмечены факты сакрализации норм и правил общины, психологического предостережения от девиантных форм поведения и нарушения табу. Показана роль тотемизма в формировании механизма наказания для нарушителей социальных норм.

Ключевые слова: социальное регулирование, раннеродовая община, социальная норматизация, тотемизм, запрет, табу, норма, обычай, инициация.

Вопросы реконструкции истории первобытного общества эпохи палеолита, то есть, по сути, истоков человеческого общества, всегда отличались высоким уровнем научной актуальности и сложности. Ограниченность проверки гипотез этнографическим материалом связана с крайней скудостью информации по единственному палеолитическому этносу, попавшему на непродолжительное время в сферу исследовательского внимания, – тасманийцам. Дополнительные проблемы в течение XX в. создавались идеолого-методологическими расхождениями в отечественной и зарубежной историографии по теоретическим вопросам социо-, культуро-, классов-, право- и государствоведения. Заметим, что, несмотря на заметный отход в 1990-е гг. от марксистской методологии в отечественной исторической науке, она до сих пор имеет сильные позиции среди исследователей первобытности.

Как показывает научная дискуссия, в постсоветский период проблемы происхождения социальных регуляторов, в том числе морали и права, вновь оказались в центре активного внимания историков, этнологов, юристов, философов, социологов и др. [5; 8; 13; 15; 17]. Эволюция человеческого стада в праобщину, а затем и в первобытную общину сопровождалась существенным усложнением социальных регуляторов, постепенно приобретающих признаки системности.

Цель данной статьи – обоснование норматизации социального регулирования в раннеродовой общине совокупностью факторов с решающей ролью институционализации тотемизма в качестве первой системно-регулятивной формы коллективного сознания.

Промыслово-хозяйственные основы социальных отношений в раннеродовой общине. Возникшая не позднее эпохи *мустье* (100–40 тыс. лет до н. э.) *раннеродовая* община прошла длительную эволюцию вплоть до эпохи *неолита* (на Ближнем Востоке – с IX тыс. до н. э.), когда вследствие появления производящего хозяйства началась ее трансформация в *позднеродовую* общину. В археологическом отношении этот продолжительный период подразделяют на эпохи *верхнего палеолита* (40–10 тыс. лет до н. э.) и *мезолита* (11–6 тыс. лет до н. э.).

В верхнем палеолите основу жизнеобеспечения общин *неоантропов* составляла охота на крупных стадных животных (мамонт, мастодонт, шерстистый носорог и др.). Ввиду примитивности каменных орудий и особой опасности охота была коллективной по форме и загонной по типу. Конкретное животное необходимо было отделить от стада, загнать или выманить в удобное место, где оно (как вариант), могло бы попасть в специально вырытую ловушку. Многогонную тушу добытого животного необходимо было освежевать и разделать, а мясо перенести на общинную стоянку. Все эти действия коллектива охотников предполагали наличие в нем определенных элементов управления, руководства, планирования, организации, координации и подчинения.

Благодаря эмпирическому опыту и естественному отбору в общине из поколения в поколение вырабатывались правила и нормы социального взаимодействия и поведения, которые шаг за шагом упорядочивали жизнь общины в соответствии с ее главной целью – самосохранением. В условиях многочисленных опасностей и тотальной зависимости от общины каждый индивид усваивал пара-

дигму собственного выживания через выживание коллектива. Этой цели были подчинены и коллективный характер труда, организованного посредством простой кооперации, и коллективное равнообеспечивающее распределение пищи. В соответствии с этой целью, преодолев животный индивидуализм, получила развитие межпоколенная солидарность: каждое трудоспособное поколение кормило не только детей – будущих продолжателей рода, но и стариков – в благодарность, что те ранее вскормили их самих.

Одним из основополагающих правил социально-экономического сосуществования и взаимодействия стало первое *естественное разделение труда* – половозрастное, при котором каждая категория вносила свой определенный вклад в дело общего выживания: мужчины охотились и защищали, женщины и подростки занимались собирательством и обрабатывали пищу, старшие дети следили за младшими, старики хранили и передавали подросткам накопленный опыт и знания, занимались знахарством. Каждая половозрастная категория в зависимости от своей социально-экономической функции обретала соответствующий социальный статус. Несмотря на то, что такой характер труда предполагал коллективизм и в распределении материальных благ, в первую очередь – пищи, распределение было отнюдь не уравнилельным, а статусным, при котором общественный продукт делился между половозрастными группами согласно принципам и правилам, сложившимся в данной конкретной общине или группе соседствующих общин.

Естественное разделение труда вело к росту его производительности и переходу от *простого присваивающего хозяйства* к более продвинутому – *охотничье-собирательскому*.

Археологический материал верхнепалеолитических стоянок показывает достаточно высокую продуктивность загонной охоты, что позволило человеку на многие тысячелетия отойти от практики каннибализма. Судя по многослойности, а, следовательно, и долговременности стоянок, относительная оседлость общин верхнего палеолита была обусловлена как наличием кормовой базы, так и сложностью обустройства долговременных жилищ на новом месте. Перекочевки совершались лишь в случае существенного оскудения кормовой базы на обширной территории вокруг стоянки.

Кризис позднего палеолита и статусная стратификация. Сравнительно благоприятное развитие событий резко изменилось 12–13 тыс. лет назад, на рубеже верхнего палеолита и мезолита, условной границей между которыми принято считать резкое изменение климата и стремительное вымирание позднплейстоценовой *мегафауны*.

Специалисты по-разному определяют хронологические рамки и характерные признаки этого рубежа, но, безусловно, то был довольно протяженный период. Массовое вымирание одних видов мегафауны (мамонт, мастодонт, милодонт, шерстистый носорог, пещерный медведь) и резкое сокращение других (овцебык, тур, гигантский олень, зубр) вследствие природного и антропогенного факторов, побудило человечество изменить традиционные объекты охоты и переориентироваться на средних и мелких млекопитающих, что было гораздо сложнее при существовавших тогда методах охоты. Загонная охота в короткий срок перестала соответствовать изменившимся условиям, что, безусловно, повлияло на многотысячелетние коллективистские традиции сотрудничества и распределения.

Вследствие истощения традиционных пищевых ресурсов мезолитические общины были вынуждены делиться на *локальные хозяйственные группы*, расселяться на обширные расстояния, осваивать все новые территории, что вело к значительной дифференциации условий их функционирования, а, следовательно, и хозяйственно-культурных характеристик. Хотя в мезолите человек освоил ловлю рыбы специальными ловушками, доминирующую роль почти повсеместно играла охота, как более эффективная отрасль жизнеобеспечения. Вместе с тем на периферии ойкумены, по мере потепления климата и отступления ледника, складывались хозяйственно-культурные типы с высоким уровнем развития собирательства и рыболовства, например, прибрежная культура кеккенмеддингов в Северной Европе.

Вместо больших общинных домов в мезолите человек возводил временные шалаши, рыл полуземлянки, а то и вовсе обходился ветровыми заслонами из веток и коры. Вследствие пространственной разобщенности род в некоторой степени ослабил свое регулирующее воздействие.

Переход к кочевому образу жизни и перемещения вслед за миграциями животных, или просто в поисках нетронутых охотничьих угодий, вел к возникновению конфликтов с соседними общинами из-за ресурсов. Вероятнее всего, общинам того периода приходилось с большим трудом обеспечивать свои потребности, что, безусловно, накладывало отпечаток на социальные нормы, по-прежнему жестко ориентированные на коллективизм и уравнилельное распределение материальных благ. Так, на

материале австралийских аборигенов известны случаи, когда охотнику, подстрелившему добычу, доставался едва ли не худший кусок мяса или же он вообще отлучался от получения своей доли [5. С. 231-232]. Подобные правила, несомненно, укрепляли внутригрупповые взаимодействие и взаимопомощь. Вместе с тем известны примеры, когда в наиболее сложный для локальной группы период лучшие куски пищи доставались именно лучшим охотникам, в том числе и непричастным к данной конкретной добыче, так как от их успешности зависело ближайшее будущее группы.

Скорее всего, те или иные особенности и нюансы равнообеспечивающего распределения зависели от конкретных жизненных обстоятельств. Этнографический материал по ряду народов (например, эскимосам и австралийским аборигенам) свидетельствует о периодическом включении таких инструментов саморегуляции раннеродовой общины, как обычаи *инфантицида*, *геронтоцида* и *эндогеронтоцида*. Так, у эскимосов в наиболее тяжелые периоды бескормицы старики в соответствии с древним обычаем накладывали на себя руки, чтобы не быть обузой для общины.

Как отмечают специалисты, мезолит во многих отношениях представляет собой особую специфичную эпоху, а мезолитическая община резко контрастирует на фоне общин охотников верхнего палеолита и ранних земледельцев неолита в плане таких социальных проявлений, как забота о слабых, беспомощных, нетрудоспособных и др. [16. С. 76-77]. Статусная стратификация, проявившаяся еще в верхнем палеолите вместе с первым естественным разделением труда, в мезолите многократно усилилась и достигла апогея. Теперь статусом того или иного члена общины было обусловлено не только выполнение определенных функций и распределение материальных благ, но даже и право на жизнь. Самый низкий статус имели те, кто еще не был ценен для общины: новорожденные и малолетние дети, а также те, кто уже не был ценен и полезен: нетрудоспособные, инвалиды и пожилые. Соответственно, самым высоким статусом обладали опытные мужчины-охотники и женщины фертильного возраста, хотя внутри этих категорий статус также варьировался в определенном диапазоне. Именно они составляли ядро родовой общины, которая институционализировала основанные на статусной стратификации социальные отношения по поводу добычи и распределения материальных благ.

Возможность использования богатств животного мира постледникового периода некоторое время была ограничена несовершенством охотничьих орудий. Очевидно, вынужденное изобретение дальнобойного метательного оружия (лук и стрелы, дротики, праща) позволило расширить спектр промысловых животных, добавить к ним птиц и обитателей водоемов (лучение на мелководье). Метательное оружие практически повсеместно получило статус исключительно мужских орудий, как и рыбная ловля, тоже ставшая преимущественно мужским занятием. Доместикация собаки и ее охотничье использование также повысили социальный статус мужчин. Как следствие, в суровых условиях мезолита ярко выражено усиление общественной роли мужчин, что в первую очередь связано с добычей пропитания. Причем этот авторитет был уже не столь обобщенным, как у коллективных охотников верхнего палеолита, а, в значительной мере, персонифицированным, вследствие индивидуализации процесса охоты и выделения наиболее успешных, ловких и сильных членов рода.

Кроме того, в повышении статуса мужчин большую роль сыграл импульс в производстве предметов материальной культуры, новых орудий труда и охоты (каменные топоры-макролиты, гарпуны), освоение прогрессивной микролитической техники (кремниевые вкладыши копий, стрел, дротиков), изобретение долбленых и каркасных лодок. Таким образом, в археологическом отношении простое присваивающее хозяйство палеолита сменилось более продвинутыми мезолитическими охотничье-собирательскими типами, а формальной границей между ними принято считать появление составных орудий, микролитической техники и метательного оружия.

Указанные производственно-хозяйственные преобразования имели далеко идущие последствия для социо- и культурогенеза. Об этом можно судить и по археологическим данным, и на основании сравнительно-сопоставительного анализа этнографической информации, которую удалось зафиксировать у современных мезолитических племен, например, аборигенов Австралии, семангов, сеноев, азта, андаманцев, веддов юго-восточной и южной Азии, бушменов и пигмеев Африки, огнеземельцев и эскимосов Америки [7].

Несмотря на то, что большинству населения ойкумены удалось со временем более или менее успешно адаптироваться к суровым условиям мезолита, очевидно, что племена ряда природно-климатических зон с трудом выживали, что побуждало их мигрировать на новые территории и вырабатывать дополнительные способы получения пищи. Этим обстоятельством можно объяснить столь раннее появление в Передней Азии зачатков земледелия и скотоводства еще в IX тыс. до н. э. [3. С. 22].

Норматизация социального регулирования. Появление в эпоху *мустье* зачатков религиозных представлений в форме *преанимизма*, *фетишизма* и *магии* имело важное интегрирующее значение для оформления коллективного сознания и института раннеродовой общины. Дальнейшее развитие *анимистических* представлений и *шаманизма* в верхнем палеолите, связанное с попытками объяснения мира и установления причинно-следственных связей между поступками людей и их последствиями, содействовало возникновению веры в сверхъестественные силы, способные как помочь, так и нанести вред. Любые негативные проявления повседневной жизни – неудачную охоту, несчастные случаи, смерть или болезнь сородичей, внутренние или внешние конфликты и т. д. и т. п. – люди верхнего палеолита объясняли немилостью духов, для предотвращения чего стремились выработать коллективные правила поведения, исключив факторы, способные, по их мнению, навлечь гнев высших сил. Так, в первобытном социуме, наряду с наиболее древними запретами-регуляторами (на *инцест*, на убийство сородичей, на поедание трупов и др.), стала вырабатываться система обусловленных религией норм поведения и *табу* – половозрастных, пищевых, обрядовых, промысловых и др.

Переход к загонной охоте на крупных животных способствовал появлению *тотемизма* – веры в родство с животными, растениями и природными объектами. Тотемизм, впитав в себя элементы анимизма, фетишизма, магии и шаманизма, стал по сути первой раннерелигиозной системой родового общества, которая предоставила первобытному человеку возможность объяснить окружающий его мир и явления природы, объединиться коллективом родственников на основе почитания единого *тотема*, норматизировать вырабатывавшиеся тысячелетиями правила социального поведения для данной родовой общины, то есть сделать их общепонятными, общепринятыми и общеобязательными.

Процесс *норматизации* вырабатывавшихся обычаев был обусловлен не столько повторяемостью их применения в схожих ситуациях, сколько *тотемным корпоратизмом*, в частности, выработкой коллективного представления о том, что, нарушая обычай, индивид рискует навлечь гнев не только своего сообщества, но и могущественных сверхъестественных сил, причем не только на себя, но и на свой род [12. С. 59]. В такой ситуации род был вынужден дополнительно взять на себя функции гаранта и контролера социального поведения всех своих членов.

На основе корпоративной самоидентификации отдельного индивида с родом, а рода – с конкретным тотемом, проявляются первые черты древнего процесса этногенеза закрепляется противопоставление себя «чужим», «другим» и т. д. Неслучайно эндоэтнонимы-самоназвания многих современных мезолитических народов переводятся с их языков как «люди», «настоящие люди», «говорящие понятно» и т. п. Например, бушмены кунг из пустыни Калахари называют себя «люди», другие же группы бушменов они называют «опасными людьми», а всех небушменов – «животными без копыт» [7. С. 146].

Норматизация поведенческих правил и обычаев была тесно связана с религиозным *мифотворчеством*, поскольку тотемизм вывел на новый уровень космогоническую и антропогоническую мифологию верхнепалеолитического общества. Вероятно, несколько позднее, в эпоху мезолита, характеризующую определенной индивидуализацией процесса охоты, появились *героические мифы* о легендарном *первопредке*, защитнике и охотнике, его поступках и поведении, которые всем последующим поколениям его рода должны стать образцом для подражания. Практическому закреплению поведенческого императива каждого такого мифа служили различные обряды, в том числе – *инициации*. На этнографическом материале по австралийским аборигенам известно, что целенаправленная подготовка к обряду инициации могла длиться до года. В это время юношам рассказывали мифы, легенды и предания общины, объясняли ее традиции, обычаи, правила поведения и табу-запреты. Как отметил антрополог-австраловед А. Элькин, «эта передача накопленных знаний сопровождается инсценировкой и толкованием мифов, таким образом усваиваются социальные нормы и подчеркивается их святость и непреложность...» [5. С.189]. Известная жесткость, а зачастую и изощренная жестокость физических испытаний обряда инициации на всю жизнь закрепляла в памяти страх перед их повторением, предостерегала от девиантного поведения, а особенно от нарушения многочисленных табу, за что предусматривались наиболее серьезные наказания, вплоть до смерти.

В отличие от прочих видов фольклора, миф способствовал формированию в социуме таких способов регулирования, как позитивное и негативное обязывание (запрет), выполняя в традиционных обществах, по мнению французского юриста-антрополога Н. Рулана, роль закона [12. С. 57].

Очевидно, что в подобных условиях у членов тотемного рода вырабатывалось сакральное отношение к нормам и обычаям общины. Так, исследователями Полинезии и Меланезии описаны слу-

чай, когда люди, случайно нарушившие табу, осознав это, умирали в мучительных судорогах в короткий срок и без какого-либо воздействия, просто внушив себе необходимость и неотвратимость смерти [4. С. 33]. В других регионах ойкумены в подобных ситуациях получила распространение практика суицида как самонаказания и расплаты за совершение серьезного асоциального деяния.

Согласно авторитетному правоведу С. С. Алексееву, «выражаясь внешне в системе обычаев, нормы первобытнообщинного строя по своему содержанию воплощали естественную, природную необходимость, преломляющуюся в условиях социальной жизни того времени, и потому представляли собой нерасторжимое единство и требований биологического порядка, и требований производственных, и требований моральных, религиозных, обрядово-ритуальных [2. С. 52]. Поскольку нормы социальной регуляции того периода сочетали в себе структурно-организационный, морально-этический и религиозно-мифологический аспекты, для их обозначения отечественным палеоисториком А. И. Першицем был предложен термин «моноорма» [10. С. 213].

Известный австраловед В. Р. Кабо справедливо отметил, что нормы первобытного общества не могли оставаться незыблемыми, поскольку давали возможность обществу приспосабливаться к меняющейся ситуации, закрепляя нововведения как новые нормы: «И это было свойственно первобытному обществу всегда – иначе его развитие прекратилось бы. Более того, оно попросту не смогло бы выжить» [7. С. 76]. *Нормотворчество* в раннеродовой общине, в том числе и комплекс обычаев, связанных с инициациями, стали прерогативой пожилых мужчин. Важно отметить, что пожилые женщины в условиях *матриархата, матрилинейности и матрилокальности (матрифокальности)* имели достаточное влияние на своих сыновей и племянников, самоидентификация которых и осознание *кровного родства (филиация)* изначально велись по материнской линии [1. С. 286]. По этой причине именно пожилые мужчины были в большей степени мотивированы повышать свой статус, внушая через процедуры инициации идею беспрекословного подчинения младших старшим. Природно-инстинктивному аспекту женского доминирования в раннеродовой общине пожилые мужчины противопоставили социально-гностический, позиционируя себя в качестве основных хранителей и межпоколенных трансляторов коллективных знаний и опыта. Источником дополнительного авторитета было поступательное усиление мужской роли в религиозной жизни общины. Как следствие, уже в мезолите *колдовство, шаманизм и знахарство* у охотничьих племен стали преимущественно мужским занятием. Более того, у ряда племен, например, аборигенов Австралии, женщины были практически отстранены от магико-тотемических обрядов и тотемных центров [7. С. 65]. Несмотря на существенную динамику, нельзя сказать, что статус пожилых мужчин в раннеродовой общине уже стал исключительным, – пожалуй, немногими, но при этом широко распространенными привилегиями, зафиксированными этнографами у низших охотников, было, например, право на дополнительных жен и право раздела охотничьей добычи [7. С. 123, 155, 168, 200].

Определенную роль в процессе норматизации правил и обычаев, несомненно, играл фактор страха перед магическими способностями колдунов-стариков, что зафиксировано у многих первобытных племен. Американский антрополог М. Мид, многие годы изучавшая племена Меланезии, отметила подобные фобии у арапешей на о. Новая Гвинея, у которых магией колдунов принято объяснять не только болезнь и смерть, но любую беду, несчастный случай, сгоревший дом, бегство чьей-нибудь жены [9. С. 240].

Старики, будучи хранителями обычаев и традиций, толкователями норм и правил поведения, изначально монополизировали функции арбитров и судей. Опираясь на свои полномочия, они вырабатывали не только механизм побуждения сообщинников к праведному поведению, но и облеченный в сакральную тотемную форму механизм первобытного суда, определяя наказания нарушителям социальных норм через общее порицание, физическое воздействие или изгнание. Однако в представлениях первобытного человека не только и не столько люди стояли на страже социальных норм. Как отметил знаток Африки Н. Рулан, «Духи предков являются стражами мифа и обычаев и способны непосредственно вмешиваться в дело, навлекая на виновного болезнь или смерть... как и добро, зло должно обратиться на того, кто его породил, и духи помогут этому процессу или же сами начнут его, если сочтут себя оскорбленными нарушением правил, которые должны соблюдать живые» [12. С. 59-60].

Процесс норматизации социального регулирования, предположительно, имел несколько этапов-уровней. Первоначально правила и обычаи становились общепринятыми и обязательными на уровне тотемного рода, в общих чертах совпадавшего с общиной. По мере формирования в результате экзогамных браков *многогородовых общин* нормы закреплялись на общинно-междоудовом уровне. Скорее всего, более длительным и сложным этот процесс был на межобщинном уровне. Об этом

можно судить по сложности межобщинных замирительных обрядов у австралийских аборигенов [7. С. 149], которые, тем не менее, наглядно демонстрируют, что у общин одного племени существовало относительно единое соционормативное пространство, о чем свидетельствует и практика родоплеменной квазиюрисдикции. По крайней мере, на примере аборигенов Австралии известны случаи, когда нарушители общественных норм, чтобы избежать наказания, покидали не только свою общину, но и свое племя, пытаясь найти убежище в общине другого племени [7. С. 74]. Эти факты можно расценивать и как доказательство наличия в раннеродовой общине своего рода «аппарата принуждения». Его основу составляли прошедшие обряд инициации молодые мужчины, мотивированные на выполнение поручений стариков для своего продвижения в общинной иерархии.

Очевидно, что спецификой соционормативного регулирования в раннепервобытном обществе был примат интересов тотемного рода над интересами не только личности, но и всей раннеродовой общины, основу которой он составлял. Этот примат обеспечивался созданием соответствующих условий, мотивацией, побуждением, принуждением и формированием стереотипов поведения по формуле «нельзя-можно-должно». Сферу «нельзя» оберегали нормативные и абсолютные по характеру запреты и табу; сферу «можно» обслуживали нормативные, но не абсолютные моральные правила, а сфера «должно» регулировалась комплексом нормативных обычаев, постепенно приобретающих абсолютный характер [18. С.206].

Таким образом, религиозный фактор играл ведущую роль в процессе норматизации социального регулирования в раннеродовой общине. Усложнение анимистических представлений и магической практики, институционализация тотемизма как первой системной формы коллективного сознания содействовали сакрализации социальных норм, непреложность и общеобязательность которых распространилась сначала на тотемный род, затем – на многогородовую общину, а позднее вышла и на межобщинный уровень. По мере оформления религиозно-мифологических представлений в развитую тотемно-анимистическую систему, род и община становились гарантами соответствия своих членов социальным нормам ввиду опасений коллективной ответственности перед миром духов за эксцессы отдельных своих членов. Двумя важнейшими способами соционормативного регулирования выступали основанные на мифах позитивное обяызование, а также запрет, нарушение которого грозило применением санкций. Принципиально важно отметить, что этнографическим материалом подтверждается наличие и механизма, и аппарата принуждения у племен, живущих в условиях раннеродовой общины, что позволяет предполагать его существование и в раннеродовых общинах эпохи мезолита.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев В. П.* Становление человечества. М., 1984.
2. *Алексеев С. С.* Общая теория права: в 2-х т. М., 1981. Т. 1.
3. *Бибиков С. Н.* Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита // Сов. археология. 1969. № 4.
4. *Васильев Л. С.* История религий Востока. М., 1988.
5. *Графский В. Г.* Всеобщая история права и государства. М., 2003.
6. История первобытного общества: общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983.
7. *Кабо В. Р.* Первобытная доземледельческая община. М., 1986.
8. *Кашанина Т. В.* Происхождение государства и права. М., 2004.
9. *Мид М.* Культура и мир детства. Избранные произведения. Пер. с англ. М., 1988.
10. *Периц А. И.* Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. М., 1979.
11. *Роуз Ф.* Аборигены Австралии. Традиционное общество. Пер. с англ. М., 1989.
12. *Рулан Н.* Юридическая антропология. Пер. с франц. М., 1999.
13. *Семенов Ю. И.* Формы общественной воли в доклассовом обществе: табуитет, мораль и обычное право // Этнографическое обозрение. 1997. № 4 (июль-август).
14. *Семенов Ю. И.* Введение во всемирную историю. Вып. 2: История первобытного общества. М., 1998.
15. *Сухолинский П. Р.* Право в догосударственных социальных системах: автореф. дис. канд. юр. наук. М., 2013.
16. *Файнберг Л. А.* Возникновение и развитие родового строя // Первобытное общество: основные проблемы развития. М., 1975.
17. *Шалютин Б. С.* Правогенез как фактор становления общества и человека // Вопр. философии. 2011. № 11.
18. *Шепталин А. А.* Истоки и становление института соционормативного регулирования в первобытном обществе // Вестн. Удм. ун-та. Сер. 2: Экономика и право. 2013. Вып. 4.

A.A. Sheptalin

**TOTEM-ANIMISTIC ASPECT OF NORMALIZATION OF SOCIAL REGULATION
IN A PRIMITIVE SOCIETY**

On the basis of the analysis of downhole economic foundations of social relations and status stratification, the author attempted to reconstruct the process of transformation of social regulation in a primitive society to socionormative regulation. Institutionalization of socionormative regulation is linked to the emergence of totemism as a first system form of not only early religion, but also the collective consciousness. Normalization of behavioral rules and customs is due to a combination of factors, including the development of religious myth, where every myth serves as a practical consolidation of behavioral imperative by numerous ceremonies, primarily - initiation rites. Using ethnographic data, the author specified the facts of sacralization of rules and regulations of the community, psychological warning against deviant behavior and violation of a taboo. The role of totemism in forming the mechanism of punishment for violators of social norms is shown.

Keywords: primitive society, social regulation, social normalisation, totemism, prohibition, taboo, norm, custom, initiation.

Алексей Александрович Шепталин
кандидат исторических наук, доцент
Ижевский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
426057, Россия, г. Ижевск, ул. Красногеройская, 18
E-mail: sheptalin@list.ru

Sheptalin A.A.,
Candidate of History, Associate Professor
Izhevsk branch of The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
462057, Russia, Izhevsk, Krasnogeroyeskaya st., 18
E-mail: sheptalin@list.ru